

ЭВОЛЮЦИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

Введение

Это исследование эвиденциальных высказываний и глагольной категории засвидетельствованности (эвиденциальности) двух самодийских языков – ненецкого и селькупского – осуществлено в теоретической парадигме нового направления современной лингвистической типологии, развивающего контрастивно-типологический подход. Исследования, ведущиеся в рамках данного направления, разрабатывают в первую очередь проблему существенно различной организации систем глагольных категорий в разных языках и включили в свой предмет глагольную категорию засвидетельствованности, которая имеет важное значение для типологической дифференциации языков мира. Центральная эвиденциальная оппозиция глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности говорящим реальным ситуациям, отраженных в сообщении, интерпретируется в этой теоретической парадигме как типобразующая.

От традиционной контрастивной типологии новое направление отличается теоретизированностью, которая обеспечивается органичной включенностью новых контрастивно-типологических концепций в концептуальную систему общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации). Их ключевые понятия и исходная логика опираются на концептуальную модель речевого коммуникативного акта и выработанную Э. Косериу в парадигме теории речевой деятельности “тетраомическую” (четырёхстороннюю, четырёхуровневую) модель языка: речь – норма – система – тип. Кроме того, новые концепции связаны отношениями методологической преемственности с контенсивной типологией Г. А. Климова. Они изначально используют объяснительные возможности ментальной грамматики и ориентированы в конечном счете на выявление и раскрытие глубинных ментально-грамматических доминант, которые определяют разную семантическую направленность процесса грамматикализации. Разнонаправленность этого процесса обуславливает

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Глагольная категория засвидетельствованности: развитие, состояние, генезис, эволюция, детерминация грамматической системы (на материале самодийских языков)» (проект № 05-04-04005а).

существенную типологическую специфику систем глагольных категорий, грамматических систем и языков в целом.

Новая концепция контрастивной типологии была впервые представлена в статье известного датского лингвиста П. В. Дурст-Андерсена "Ментальная грамматика и лингвистические супертипы", опубликованной в 1995 г. в журнале "Вопросы языкознания" на русском языке [Дурст-Андерсен 1995]. Позже работы аналогичной направленности публиковались в западноевропейских изданиях [см., напр.: Bhat 1999]. Наши исследования с 1999 г. тоже ведутся в парадигме этого варианта контрастивно-типологического подхода к системе глагольных категорий и категории засвидетельствованности, дополняя его парадигму аспектами языковой эволюции и межязыковых контактов, не разработанными в концепции П. В. Дурст-Андерсена [см.: Ильина 2000; 2002; 2003; 2005]. Включение в данную теоретическую парадигму аспектов языковой эволюции и языковых контактов потребовало с логической необходимостью исследовать глагольную категорию засвидетельствованности и эвиденциальные высказывания в их генезисе, эволюции, развитии, остаточном состоянии, элиминации и трансформации. А такое исследование возможно лишь с учетом детерминации этих процессов и стадий грамматической эволюции условиями социальной среды коммуникативного функционирования языка и социально-коммуникативными потребностями, к которым неизбежно адаптируется язык, развивая, изменяя и утрачивая свои внутренние компоненты и структуры, в том числе глагольные категории и синтаксические модели. Поэтому глагольную категорию засвидетельствованности мы концептуально моделируем на теоретико-лингвистическом уровне как функционирующую и эволюционирующую коммуникативно-речевую систему, включающую:

1) эвиденциальные высказывания, в которых роль сказуемого выполняют глагольные формы засвидетельствованности, создающие модели этих высказываний;

2) три органично взаимосвязанные категориальные структуры:

а) компонентную (набор категориальных форм, морфем, граммем, их базовых и вторичных значений);

б) функциональную (внутрикатегориальные парадигматические отношения эквивалентности и взаимоотнопроставленности базовых значений эвиденциальных граммем);

в) генетическую (грамматикализовавшаяся в категориальной парадигме глубинная ментально-грамматическая доминанта, обусловившая генезис категории и направляющая ее эволюцию от исходного к развитому состоянию).

Генетическая структура глагольной категории засвидетельствованности – это уровень языкового типа ("супертипа"), наиболее устойчивый

уровень языка. Функциональная структура категории – это уровень языковой системы, "системы возможностей" по Э. Косериу. Она чрезвычайно устойчива в рамках языкового типа. Двухсторонние морфологические компоненты (глагольные формы, морфемы) закономерно изменяются, меняют свои означаемые и заменяются другими формами и морфемами, а система ключевых внутрикатегориальных оппозиций базовых значений эвиденциальных граммем стабильно сохраняется до тех пор, пока не редуцируется глубинная ментально-грамматическая доминанта и не начнутся изменения на уровне языкового типа.

Двухсторонние морфологические компоненты и межиндивидуальные узуальные модели эвиденциальных высказываний – это уровень языковой нормы – социальной традиции коммуникативного использования системных языковых средств в языковом коллективе. Несмотря на детерминацию социальной традицией, они значительно менее устойчивы, чем функциональная и генетическая структуры глагольной категории засвидетельствованности. Эти структуры реально функционируют в речевом общении только через эвиденциальные высказывания, что означает наличие устойчивых системных эмических инвариантов этих высказываний. Но, с другой стороны, в инвариантах нормы ("нормальных моделях") эвиденциальных высказываний, функционирующих в межиндивидуальном речевом общении, реализуются новые коммуникативно-ментальные установки носителей языка, адаптирующие модели этих высказываний к изменившимся социально-коммуникативным потребностям. Поэтому все изменения глагольной категории засвидетельствованности начинаются с изменений эвиденциальных высказываний, проявляются в них и восходят к ним.

Типообразующий статус глагольной категории засвидетельствованности и центральная роль эвиденциальных высказываний в синтаксической системе наиболее отчетливо проявляются при долговременной относительной стабилизации эволюционирующей категории, достигшей развитого состояния.

Ключевая задача данного исследования – теоретическая экспликация и эмпирическая верификация исходной гипотезы, в которой выделены следующие необходимые признаки развитого состояния глагольной категории засвидетельствованности:

1) наличие в языке базисной и генетически первичной эвиденциальной оппозиции глагольных граммем, указывающих на зрительную / не зрительную (слух, обоняние и др.) чувственную засвидетельствованность говорящим реальных ситуаций, отраженных в сообщении;

2) наличие в языке центральной категориальной оппозиции глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности, охватывающей все эвиденциальные граммемы.

В Евразии необходимую и достаточную фактологическую базу для эмпирической верификации этой гипотезы можно сейчас получить лишь на материале документированных архаичных срезов самодийских языков, отразившем их грамматические системы, еще не перестроившиеся под интерферирующим влиянием типологически контрастной грамматической системы русского языка. Из языков Евразии только в самодийских языках прослеживается развитая эвиденциальная субкатегория чувственной засвидетельствованности с оппозицией грамем, указывающих на зрительное / не зрительное восприятие говорящим реальных ситуаций.

Ментально-грамматическая доминанта самодийских языков

Для исследований нового направления контрастивной типологии теоретически значимы следующие эмпирические факты:

1) определенные глагольные категории, являющиеся высоко развитыми, центральными в одних языках оказываются не развитыми, периферийными, либо вовсе отсутствуют в других языках;

2) в любом отдельном языке развитость, центральность одних глагольных категорий сопряжена с неразвитостью, периферийностью и отсутствием других глагольных категорий.

Глагольная категория засвидетельствованности является одним из наиболее теоретически значимых и типологически релевантных фактов, поскольку наличествует во многих языках мира и отсутствует тоже во многих языках мира. Но, с другой стороны, она отсутствует в ведущих европейских языках, на материале которых выработан традиционный метаязык лингвистики и традиционные схемы описания конкретных языков, не учитывающие эту глагольную категорию. Используясь в описательных грамматиках языков, реально имеющих глагольную категорию засвидетельствованности, традиционные метаязыковые термины и схемы описания нивелируют их существенную типологическую специфику. Поэтому исследования детерминирующей, типобразующей роли глагольной категории засвидетельствованности не могут, к сожалению, во многих случаях опереться на данные описательных грамматик, а должны уточнять и изменять сложившиеся метаязыковые стереотипы и традиции описания глагольных категорий конкретных языков. А для этого нужны соответствующие теоретические, методологические и методические средства, которые еще не разработаны в достаточной мере. Методологически значимым для нового направления контрастивной типологии является представление о глубинной типологической доминанте языка, которую мы обозначили терминном "ментально-грамматическая доминанта".

Наличие в самодийских языках развитой многокомпонентной и функционально нагруженной глагольной категории засвидетельствованности,

коммуникативная обязательность и системная значимость эвиденциальных высказываний обусловлены глубинной ментально-грамматической ориентацией самодийских языков на приоритетное выражение и преимущественную грамматикализацию впечатлений говорящего о реальности. Эта ментально-грамматическая доминанта сложилась, вероятно, в очень давней диахронической ретроспективе в соответствии с определенными социально-коммуникативными потребностями и воспроизводилась в ряду многочисленных сменяющихся поколений. На документированных архаичных срезах самодийских языков можно предполагать наличие ее целносистемного отражения. Ее яркие и впечатляющие реализации наблюдаются на всех семантизированных языковых уровнях, включая уровень целостного текста произведений традиционного самодийского фольклора. В последнем случае исконная ментально-грамматическая доминанта реализуется, например, в зачинах, указывающих, что сказитель не является прямым непосредственным свидетелем рассказываемого, и в связанном с таким статусом сказителя интереснейшем феномене введения внутрь фольклорного произведения постоянного свидетеля всего происходящего там – "Сказа". Его свидетельства интерпретируются как источники сведений сказителя о фольклорных ситуациях. Сами же эти ситуации предстают как засвидетельствованные Сказом. Поэтому, если исследователь не учтет присутствия внутри произведения постоянного одушевленного свидетеля всех фольклорных ситуаций, то не сможет адекватно раскрыть грамматическую семантику многих фольклорных высказываний.

Однако наиболее отчетливо и развернуто традиционная ментально-грамматическая доминанта проявляется на грамматическом уровне, реализуясь в многочисленных морфологических глагольных формах засвидетельствованности и модальности и обуславливая неразвитость глагольных форм времени. На архаичных срезах наиболее изученных и документированных самодийских языков – ненецкого и селькупского – все словоизменяемые (модулирующие) глагольные аффиксы, за исключением лично-числовых, выражали базовые значения только эвиденциальности и модальности. Аспектуальная семантика тоже была очень детализированной, охватывала всю глагольную лексику и выражалась обязательно, но только на лексическом и словообразовательном уровнях. А специальных глагольных показателей, выражающих базовые темпоральные значения, не было. Отнесенность единичных глагольных форм к определенному абсолютному темпоральному плану являлась лишь побочным эффектом грамматически обязательной реализации эвиденциальных либо модальных значений и, кроме того, существенно детерминировалась аспектуальной семантикой глагольных основ. Поэтому оба языка на архаичных срезах могут служить показательными примерами языковых

систем, названных В. А. Плуноном “атемпоральными системами с аспектуально-модальной доминантой” [Плунон 2006: 10]. На наш взгляд, данное определение все же не вполне акцентированно отражает существенную типологическую специфику самодийских языков, значимую для раскрытия традиционных особенностей и направленности эволюции эвиденциальных высказываний.

Понятие “система с аспектуально-модальной доминантой” эмпирически вполне приложимо к самодийским языкам, причем не только к их архаичным документированным срезам, но и к инновационным. В содержании понятия видится, тем не менее, определенное теоретическое противоречие. Современные лингво-типологические концепции, дифференцирующие языковые типы и грамматические системы в зависимости от доминирующей семантической направленности процесса грамматикализации, теоретически объясняют преимущественную ориентацию языков на грамматическое выражение либо темпоральной, либо аспектуальной, либо модальной (и эвиденциальной) семантики как три типологически разнонаправленных вектора процесса грамматикализации. Каждый из трех векторов, реализуясь, формирует свой, существенно специфический тип глагольной системы, грамматической системы и языка в целом. Логично поэтому ожидать, что доминирование одного из таких типов должно вместе с тем означать редуцирование двух других типов. Эмпирически адекватное для самодийских языков понятие “система с аспектуально-модальной доминантой” не вписывается в данный теоретический контекст, поскольку означает смешение двух разных, теоретически противопоставленных типов.

Так, в ментально-грамматической концепции языковой типологии П. В. Дурст-Андерсена с учетом трех основных составляющих коммуникативного акта – говорящий, слушающий и реальная ситуация, отраженная в сообщении, – выделены три ментально-грамматических типа языков – “супертипа”, каждый из которых глубинно ориентирован на преимущественную грамматикализацию какой-либо одной составляющей коммуникативного акта. Эта глубинная ориентация языка наиболее интегрально и типологически значимо отражается в системе глагольных категорий. Поэтому каждый из супертипов имеет свою детерминирующую глагольную категорию в одной из трех следующих семантических зон: 1) эвиденциальности и модальности; 2) темпоральности; 3) аспектуальности. Детерминирующая категория существенно влияет на типологическую специфику всей системы глагольных категорий языка и его грамматической системы в целом.

Языки, преимущественно ориентированные на грамматикализацию впечатлений говорящего о реальных ситуациях, – “speaker-based languages”, – имеют детерминирующую оппозицию глагольных граммем

прямой / косвенной засвидетельствованности говорящим реальных ситуаций (главный иллюстративный пример – турецкий язык). Языки, преимущественно ориентированные на грамматикализацию представлений слушающего о реальных ситуациях, отраженных в сообщении говорящего, – “hearer-based languages”, – имеют детерминирующую оппозицию глагольных граммем перфекта / имперфекта (главный иллюстративный пример – английский язык). Языки, преимущественно ориентированные на грамматикализацию непосредственно самих реальных ситуаций, – “reality languages”, – имеют детерминирующую оппозицию глагольных граммем совершенного / несовершенного вида (главный иллюстративный пример – русский язык) [Дурст-Андерсен 1995].

Сходные подходы, обобщения и выводы представлены и в более поздней лингво-типологической концепции, дифференцирующей грамматические системы по признаку приоритетной ориентации процесса грамматикализации на различные семантические сферы. В ней также выделены три разных типа грамматических систем: “aspect-prominent systems”, преимущественно грамматикализующие аспектуальную семантику; “tense-prominent systems”, преимущественно грамматикализующие темпоральную семантику; “mood-prominent systems”, преимущественно грамматикализующие модальную и эвиденциальную семантику [Bhat 1999]. В обеих концепциях модальная и эвиденциальная семантика объединены в рамках одного вектора процесса грамматикализации и, соответственно, – одного типа грамматических систем. Грамматикализированные в системе глагола значения засвидетельствованности не рассматриваются как самостоятельная глагольная категория, а включаются вместе с грамматикализированными модальными значениями в категорию наклонения (mood).

Если не выходить за пределы теоретической парадигмы рассмотренных лингво-типологических концепций, то положительная эмпирическая верификация на материале самодийских языков понятия “система с аспектуально-модальной доминантой” может быть объяснена только в контексте эволюции глагольных и грамматических систем, смены глубинных ментально-грамматических доминант и, соответственно, – смены векторов преимущественной семантической направленности процесса грамматикализации. Эмпирически наблюдаемый синхронный срез может отражать промежуточную стадию грамматической эволюции языка, на которой еще вполне сохранилась традиционная доминанта и традиционный вектор семантической направленности процесса грамматикализации, но уже сформировалась инновационная доминанта и новый, типологически существенно отличный от традиционного вектор грамматикализации. Следовательно, теоретически допустимо, что на определенном синхронном срезе процесса грамматической эволюции могут быть примерно в

равной мере грамматикализованы и аспектуальная, и модально-эвиденциальная семантика. Соответственно развитые глагольные категории аспекта и наклонения (mood) могут примерно в равной мере детерминировать друг друга и иные глагольные категории, совместно обуславливая неразвитость глагольной категории времени.

Таким образом, и в теоретической парадигме рассмотренных лингвотипологических концепций вполне объяснима возможность существования на синхронном срезе “атемпоральных систем с аспектуально-модальной доминантой”. Однако, эмпирически наблюдая язык на таком синхронном срезе, трудно и даже невозможно доказательно определить, какие из двух ментально-грамматических доминант и векторов грамматикализации являются традиционными, а какие – инновационными, и тем самым установить направленность процесса грамматической эволюции. Для этого необходим системно-диахронический подход, сопоставление более архаичных и более инновационных документированных срезов. Важно также учитывать различия исторически существовавших и наличных в современности экстралингвистических условий и социально-коммуникативных потребностей, к которым неизбежно адаптируется язык. Именно они в конечном счете обуславливают как становление и развитие соответствующих им ментально-грамматических доминант и векторов грамматикализации, так и редуцирование не соответствующих им доминант и векторов.

Представляется весьма спорной трактовка рассмотренными лингвотипологическими концепциями семантики засвидетельствованности как разновидности модальной семантики и включение эвиденциальных глагольных граммем в категорию наклонения. Ниже будет показано, что данная трактовка встречается на эмпирическом уровне серьезное сопротивление языковых фактов самодийских языков. Порождает она целый ряд познавательных противоречий и на теоретико-лингвистическом уровне, контрастируя, в частности, с глубоко теоретически обоснованной и широко признанной классификацией глагольных категорий Р. О. Якобсона. В этой классификации глагольная категория засвидетельствованности (evidential) имеет статус самостоятельной грамматической категории глагола. От других глагольных категорий она отличается специфическим набором существенных классифицирующих признаков, но, главное, качественным своеобразием своего категориального значения “указание источника сведений о сообщаемом факте”. Такого категориального значения нет ни у одной из других глагольных категорий, в том числе и у категории наклонения [Якобсон 1972].

Проблемы моделирования эвиденциальных высказываний и категории засвидетельствованности

Наглядная семантическая модель эвиденциальных высказываний, отражающая результаты лингво-типологических исследований грамматикализации семантики засвидетельствованности на материале многих языков мира, предложена Н. А. Козинцевой. В модели выделены две части эвиденциальных высказываний: 1) рамочная, выражающая модус засвидетельствованности (EV); 2) пропозитивная, содержащая засвидетельствованную информацию о некоторой ситуации (P). Эти части связаны между собой в эвиденциальном высказывании наличием “субъекта модуса EV” – “хозяина” информации (X). Хозяином информации может быть сам говорящий (Г), то есть $X = Г$, либо кто-то другой, то есть $X \neq Г$. Источниками информации для X могут быть: 1) чувственное восприятие; 2) логическое умозаключение (= инференциальность); 3) сообщение (= пересказывательность). Источник информации “чувственное восприятие” может детализироваться на восприятие: а) зрительное; б) слуховое; в) основанное на общих ощущениях. В целом предложенная Н. А. Козинцевой семантическая модель эвиденциальных высказываний такова: Г сообщает, что [X видел / полагает / узнал, что] P [Козинцева 1994].

Рассмотрим отраженные в модели количественные характеристики категории засвидетельствованности (компонентная структура категории) и ее качественные характеристики (функциональная структура категории). Если учесть оговоренную автором дифференциацию источника информации “чувственное восприятие” на три самостоятельных семантических компонента, указывающих на засвидетельствованность зрительную или слуховую или основанную на “общих ощущениях”, то всего в модели выделено пять грамматикализованных семантических компонентов эвиденциального модуса. Если все они грамматикализованы в системе глагола, то являются самостоятельными глагольными граммемами – главными компонентами глагольной категории засвидетельствованности. Есть основания полагать, что на архаичных документированных срезах и ненецкого, и селькупского языка представлено, в отличие от модели, более пяти глагольных граммем засвидетельствованности, даже если учитывать только те граммемы, которые выражаются не совмещенно, а разными глагольными формами. В ненецком языке мы сейчас видим семь таких граммем, а в селькупском – девять. Но, кроме того, некоторые самодийские эвиденциальные глагольные формы совмещенно выражают в зависимости от контекста разные источники сообщаемой информации. Например, ненецкая глагольная форма аудитива, типично выражая значение слуховой засвидетельствованности реальной ситуации по услы-

шанным характерным звуком (1), может указывать и на другие незрительные чувственные источники: обоняние (2), тактильные ощущения (3), а также на пересказывательный источник (“известно по слухам или понаслышке”) (4). Впрочем, во всех этих случаях русские переводные эквиваленты ненецкой аудитивной формы, как правило, одни и те же: “слышно”, “слыхать”, “как слышно”, хотя для конкретных контекстов более адекватны эквиваленты: “чуется” (2); “чувствуется” (3); “говорят” (4).

(1) нен.

Мяд' ханзована ти то=ванон=до' [НЭ: 61].

‘(Олени) чума к боковой стороне пришли=слышно=они многие (3 л.мн.ч.).’

(2) нен.

Мято' пиревы халяха́на набте=вон=да [ССЯ: 145].

‘В их чуме вареной рыбой пахнет=чуется=3 л. ед.ч.’

(3) нен.

Нэвахан намгэхэва теб=вон=да [Там же].

‘По голове моей что-то ударило=чувствуется=3 л. ед.ч.’

(4) нен.

Мале нядана" хэванзь мэ=вон=да" [Там же].

‘Уже от нас уехать собирается=говорят=вы многие (2 л. мн.ч.).’

В селькупском языке, напротив, форма аудитива была практически полностью замкнута на выражение базового значения слуховой засвидетельствованности, а “общие ощущения” и “пересказ” выражались другими формами. Например, источник информации “обоняние и вкус” выражался особой глагольной формой, восходящей к высоко продуктивной модели производства отыменных глаголов “запах и вкуса” с суффиксом *-ñj-*, который при употреблении этих глаголов в роли конечного сказуемого становится эвиденциальным показателем *-ñ-*: *sō=ñ=a* ‘сера-чуется’ (*sō* ‘сера’); *purqj=ñ=a* ‘дым-чуется’ (*purqj* ‘дым’); *qel̄j=ñ=a* ‘рыба-чуется’ (*qel̄j* ‘рыба’); *wæj̄=ñ=a* ‘мясо-чуется’ (*wæj̄* ‘мясо’); *onā=ñ=a* ‘свое собственное чуется’ (*onāj̄* ‘я сам’); *sak̄j̄=ñ=a* ‘сахар-чуется’ (*sak̄j̄r* < русск. ‘сахар’) и т. д. до предела, близкого к количеству именных основ в языке.

Контекст. Великан-людоед, проглотив кусок мяса, по запаху и вкусу заключает:

(5) сельк.

uī! mīb onæj̄ wæj̄=ñ=a! [Прокофьев 1935: 102].

‘Чу! Будто мое собственное мясо=чуется=3 л.ед.ч. суб.спр.’

Этимологический аналог селькупской формы есть и в ненецком языке, но в эвиденциальных высказываниях ненецкая форма “обоняния и вкуса” нами не наблюдалась. Этот чувственный источник информации совмещенно выражается ненецкой аудитивной формой.

Есть в обоих языках и многозначная глагольная граммема с инвариантной семантикой личной незасвидетельствованности ситуации говорящим, совмещенно реализующая два разных базовых значения: пересказывательности (как правило, авторитетного источника); инференциальности – логического вывода о ненаблюдавшейся ситуации по ее наблюдаемым явным следствиям, прежде всего – по следам, что особо важно для традиционных охотничьих культур. Значение пересказа реализуется, например, в фольклорных зачинах, обычно сообщающих, в первую очередь, что герой жил.

(6) нен.

Лэ'мор' вэсэй пухуцянданя, нюкцянданя пыда иле=вы=Ø [Терещенко 1947: 247].

‘Пичужка старик со старухой своей, с сыном своим он жил=сказывают=3 л. ед.ч. суб.спр.’

Инференциальный контекст. Говорящий по следам лыж на снегу заключает:

(7) нен.

Хадри' сидяха' нэ=вэ=хэ'. Сыра' ниня сидя ламбита"ма хае=вэ=хэ'. Мьякадана" пэдара' няю' нэкла=ха=вэ=ди' [ССЯ: 144].

‘Конечно, двое были=как видно=3 л. дв.ч. суб.спр. На снегу следы двух пар лыж оставили=как видно=3 л. дв.ч. суб.спр. От нашего чума в сторону леса (следы) протянули=их два=как видно=они двое (3 л. дв.ч. об.спр.).’

(8) сельк.

Ича имьялнтисэ илы=мпа=Ø [Прокофьева 1953: 152].

‘Ича (главный герой селькупских мифов) с бабушкой своей жил=сказывают=3 л. ед.ч. суб.спр.’

(9) сельк.

jomBa im̄lanD̄sæ il̄b=mB̄=q̄b [Прокофьев 1935: 103].

‘Йомпа (герой ненецких мифов, представленный в северноселькупском фольклоре) с бабушкой своей жили=сказывают=они двое (3 л. дв.ч. суб. спр.).’

Инференциальный контекст. Ича спустя сутки возвращается к стойбищу, видит опустевшее место и заключает:

(10) сельк.

ira kerty=mpa=Ø captät [Кузнецова А. И. и др. 1993: 14].

‘Старик скочевал=как видно=3 л.ед.ч. суб. спр. давно.’

Оба значения представлены в очень древних идиоматичных высказываниях, и неясно, какое из этих значений генетически первичное. Пересказывательное значение представлено в идиоматичных зачинах древних мифов, как в (8) и (9), а инференциальное значение просматривается в идиоматичных высказываниях о внешних проявлениях ненаблюдаемой людьми деятельности обожествленных природных сил – древних божеств “верхнего мира”.

Приведем несколько примеров из южноселькупского языка XIX в. с переводами Н. П. Григоровского, изучавшего в 1870-е гг. исчезнувший позже говор селькупов Чаи (примеры приводятся по Helinski 1983: 257).

(11) сельк.

Ном кетте=мба=Ø. ‘Бог бьет или наказывает.’

Так называли продолжительное ненастье. *Ном* ‘бог’, ‘небо’; *kämtä* ‘бить’, ‘ударять’; *-мба-* или *-мб-а-* – вариант эвиденциального аффикса *-(m)p(V)-*; *-а* – типичная огласовка форм 3 л. ед.ч. суб.спр.

(12)

Ном телым=ба=Ø. ‘Бог родился.’

Так называли утро, рассвет. *тёлы* ‘день, свет, солнце’; *тёлым-* ‘сделать светло’, ‘рассветать’; *тёлыр-* ‘родиться’, букв.: ‘высветиться’, ‘появиться’; *-ба* или *-б-а* – вариант эвиденциального аффикса *-(m)p(V)-*.

(13) сельк.

Ном юдем=ба=Ø. ‘Бог завечерел.’

юдь ‘поздно’, ‘вечер’; *юдьым-* ‘сделать поздно, повечереть’.

Инференциальная семантика в таких высказываниях уже, возможно, была утрачена, но типичное использование в них аффикса *-(m)p(V)-* ука-

зывает на ее наличие в прошлом. Есть основания полагать, что этой же формой выражался “шаманский вывод” о неизвестной ситуации, а это тоже древняя функция.

Контекст. Старуха шаманит, чтобы узнать судьбу двух сородичей, отсутствующих несколько дней и делает верный вывод:

(14) сельк.

тар qimōq̄ qu=mBā=q̄b... ytt̄ qu=mBā=q̄b [Прокофьев 1935: 107].

‘Эти двое людей умерли=известно=они двое (3 л.дв.ч. суб.спр.)

... в воду умерли=известно=они двое (то есть утонули).’

Этнографические данные позволяют предполагать в таких высказываниях как инференциальное значение – вывод на основании шаманских видений, так и пересказывательное значение – указание на сообщение духов – помощников шаманов. Вероятен и синкретизм двух значений – вывод на основании сообщения сакрального источника. Это может быть одним из объяснений совмещенного выражения одной эвиденциальной формой двух значений, представляющихся сейчас существенно различными.

И при толковании отмеченных и других совмещенных, но различных эвиденциальных значений как самостоятельных граммем, и при их трактовке как базовых и вторичных значений одной граммемы очевидно, что компонентная структура глагольной категории засвидетельствованности в самодийских языках по количеству и разнообразию семантических компонентов значительно богаче, чем рассмотренная семантическая модель эвиденциальных высказываний.

Лингво-типологическое моделирование семантической компонентной структуры эвиденциальных высказываний и глагольной категории засвидетельствованности остается актуальной задачей современной лингвистики. Иллюзорны представления о небольшом количестве эвиденциальных граммем в языках мира и о принципиальной завершенности их типологического исчисления. Количество грамматикализованных семантических компонентов эвиденциального модуса может, вероятно, быть в отдельных языках весьма значительным. Так, известный самодист А. Кюннап, сообщая о результатах Международного симпозиума, посвященного категории эвиденциальности (Мельбурн, 2001 г.), пишет, что “во многих индейских языках встречаются десятками эвиденциалы со специальными суффиксами” [Кюннап 2002: 155]. Представляется поэтому, что семантическая модель эвиденциальных высказываний должна быть ориентирована не только на задачи лингво-типологического обобщения выявленных фактов, но и на поисковые задачи. Для этого целесообразно моделировать компонентную структуру эвиденциального модуса

не как закрытую систему, нацеленную на исчерпывающее представление установленных граммем засвидетельствованности, а как открытую систему с “пустыми клетками”, нацеленную на поиск еще не установленных эвиденциальных граммем.

Подчеркнем, что количество эвиденциальных граммем не определяет степень развитости глагольной категории засвидетельствованности, поскольку не оказывает решающего влияния на ее детерминирующую роль в грамматической системе. Если, например, компонентную структуру категории составляют только граммемы косвенной засвидетельствованности, то любое их количество не обеспечит доминирования эвиденциальных высказываний в синтаксической системе языка. Степень развитости глагольной категории засвидетельствованности определяется ее функциональной структурой, представленной оппозициями эвиденциальных граммем. Именно наличие ключевых оппозиций, в первую очередь центральной оппозиции граммем прямой / косвенной засвидетельствованности, обеспечивает системную целостность категории и обуславливает ее детерминирующую роль.

В семантической модели эвиденциальных высказываний, предложенной Н. А. Козинцевой, оппозиция прямой / косвенной засвидетельствованности эксплицитно не представлена, но подразумевается как противопоставленность засвидетельствованности зрительной (=прямой) всем другим семантическим компонентам, отнесенным к косвенной засвидетельствованности. Функциональная структура эвиденциального модуса включает также противопоставления: чувственная засвидетельствованность (внутренне дифференцированная на три компонента) / инференциальность / пересказывательность. При ориентации модели на поисковые задачи каждый член этих оппозиций может быть осмыслен как эвиденциальная субкатегория, имеющая свои внутренние дифференциации и оппозиции. Каждую из субкатегорий целесообразно моделировать как открытую систему с “пустыми клетками” (знак [?]), например:

Г сообщает, что [X (видел / слышал / ощущал / [?]) / (полагает / [?]) / (узнал / [?]) / ([?]), что] P.

Круглыми скобками выделены взаимопротивопоставленные наличные и возможные субкатегории целостной категориальной парадигмы: субкатегория чувственной засвидетельствованности / субкатегория инференциальности (полагает) / субкатегория пересказывательности (узнал из сообщения) / другие возможные субкатегории, обозначенные пустой клеткой в круглых скобках ([?]). Точно так же внутри каждой из наличных субкатегорий знаки пустых клеток [?] указывают на возможность выявления других субкатегориальных граммем. Есть основания считать, что существенно детализироваться может даже каждый чувственный источник, особенно зрительный.

Если во многих языках индейцев Америки действительно “встречаются десятками эвиденциалы со специальными суффиксами”, то в поисковой лингво-типологической модели эвиденциальных высказываний следует допускать как возможность существенной детализации каждой из выделенных субкатегорий и субкатегориальных граммем, так и возможность выделения других эвиденциальных субкатегорий. В данной связи отметим, что в модели не отражен источник информации “память”, который грамматикализован в ряде языков и может, вероятно, развертываться в самостоятельную субкатегорию внутри категории засвидетельствованности. Еще Р. О. Якобсон выделял источник сведений “собственный прошлый опыт (сведения извлекаемые из памяти)” [Якобсон 1972: 101]. Этот источник информации рассматривался Н. А. Козинцевой и совершенно верно, на наш взгляд, отнесен к числу значений прямой засвидетельствованности [Козинцева 1994: 92]. Подчеркнем, что глагольные граммемы памяти должны облигаторно помещать сообщаемую информацию в прошлое относительно момента сообщения и могут быть яркими примерами побочного темпорального эффекта эвиденциальных граммем. Данный эффект создает возможность принятия граммем памяти за граммемы прошедшего времени.

В ненецком и селькупском языках традиционно выделяются формы прошедшего времени индикатива с показателями: в селькупском -s-, в ненецком -š (-сь). Несмотря на материальное сходство, эти показатели имеют разное происхождение, сформировались в разное время и занимают разные позиции в глагольной словоформе. Тем не менее, грамматическая семантика селькупской формы -s- и ненецкой формы -š сходна, а ее существенные особенности дают основание считать ту и другую не индикативными формами прошедшего времени, а эвиденциальными формами прямой засвидетельствованности говорящим прошлых ситуаций. На архаичных документированных срезах ненецкого и селькупского языков побочная темпоральная семантика прошлого у обеих форм не выходила за пределы времени жизни говорящего. Но и в этих весьма узких для граммемы прошедшего времени темпоральных рамках персонального витального цикла она имела существенные ограничения. Факты и обстоятельства собственного рождения, младенчества, забытые ситуации, собственные действия “в беспамятстве” этими формами не выражались. Границы использования обеих форм почти безупречно очерчиваются семантикой “отчетливо помню”. Поэтому семантику, выражаемую селькупской формой -s- и ненецкой формой -š (-сь) мы определяем как граммему прямой засвидетельствованности прошлых ситуаций с базовым значением “личная память”.

За границами эвиденциальной семантики, “отчетливо помню” в темпоральном плане прошлого употреблялись другие глагольные формы,

тоже выражавшие не темпоральные, а эвиденциальные граммемы. Для них, в отличие от граммемы “личной памяти”, темпоральный план прошлого не был облигаторным. План прошлого за пределами времени жизни говорящего был закреплен в обоих языках, главным образом, за уже упоминавшейся граммемой с инвариантной семантикой личной незасвидетельствованности ситуации говорящим и с этимологически родственными показателями: в ненецком тундровом *-wǰ-* / *-mǰ-* (-вы- / -мы-); в ненецком лесном *-mǰj-* (-мэй-), в селькупском *-(m)ṛ(V)-*, то есть *-mṛ(V)-* или *-ṛ(V)-*, в зависимости от типа основы.

Формы личной незасвидетельствованности обозначали не только давнее прошлое, выходящее за пределы времени жизни говорящего и известное ему от прежних поколений, из исторических преданий и мифов как, например, в (8) и (9). Они типично обозначали также ситуации, имеющие место во время жизни говорящего, но выходящие за границы семантики “отчётливо помню”, как, например, в (7), (10), (14)-(17).

(15) нен.

Ебцани яркад сими вада=вы=Ø [НЭ: 307].

‘С младенческих лет (букв. зыбки моей с края) меня она **растила=как известно=3 л.ед.ч. суб.спр.**’

В сообщениях о фактах и обстоятельствах собственного рождения, младенчества употреблялись только формы личной незасвидетельствованности, но не формы *-s-* и *-š-*, считавшиеся формами прошедшего времени индикатива, а выражавшие базовое эвиденциальное значение “личная память”.

Сообщения о забытых и полужабытых ситуациях и редко документируемые по понятным причинам сообщения о собственных бессознательных действиях говорящего тоже требовали использования в роли сказуемого форм личной незасвидетельствованности.

(16) сельк.

ǰ'matyl' poraqǰk tan ǰarōqyn ily=mpa=k [Кузнецова А.И. и др. 1980: 238].

‘В юные годы (букв.: молодости моей в вершине, т. е. в начале) я в тундре **жил=как известно=1 л.ед.ч. суб.спр.**’

Показателен записанный М. А. Кастреном в 1846 г. южноселькупский пример, переведенный тогда же двуязычным информантом на русский язык.

(17) сельк.

ler=ku=mba=k ‘Я пел (не знавший)’ [С. – Л. 1960: 202].

Букв. пел=**не сознавая**=я (1 л.ед.ч. суб.спр.).

Говорящий сообщает о собственном неосознававшемся действии и, главное, информант перевел грамматическую семантику формы *-(m)ṛ(V)-* лексическим эквивалентом. Заметим, что сочетание аффиксов *-ku-* + *-(m)ṛ(V)-* усиливало выражение личной незасвидетельствованности.

Эвиденциальные аффиксы не имеют прозрачной внутренней формы, в отличие от их приблизительных лексических эквивалентов. Но метаязыковые сообщения информантов помогают исследователю адекватно понять скрытую от него семантику самодийских глагольных форм. В данной связи весьма важны документированные Н. М. Терещенко метаязыковые сообщения носителей ненецкого языка, которые сами называли значение формы *-вы-* (*-мы-*) “заглазным” [Терещенко 1952: 373]. Термин “заглазность” отражает не только инвариантную семантику этой формы, но и ее противопоставленность формам, ассоциирующимся носителями языка со зрительным восприятием ситуации. Мы не используем этот термин потому, что в самодийских языках есть и другие “заглазные” формы – аудитива и обоняния-вкуса, значения которых тоже противопоставлены значениям зрительной засвидетельствованности. Рассматриваемую граммему мы определяем как граммему косвенной засвидетельствованности с инвариантной семантикой личной незасвидетельствованности ситуации говорящим и совмещенными базовыми значениями инференции-пересказа.

Противопоставленность граммем личная память / инференция-пересказ – один из многих вариантов реализации в обоих языках центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности. Например, в сообщениях (7) и (18) об одной и той же прошлой ситуации ее косвенный свидетель, сам ее не видевший и умозаключивший о ней по следам лыж на снегу, употребляет форму *-вы-* (*-мы-*) (7), а ее прямой свидетель – форму *-сь* (18).

(18) нен.

Мань хǰр'н манэ'нава=сь: сидя хасава=Ø=сь. Мякадана' пэдара' няю' хая=Ø=хан=зь [ССЯ: 144].

‘Я сама видела=помню: двое **мужчин** (букв. мужчина)=**видела=помню** (3 л. ед.ч. именного предиката) От нашего чума в сторону леса **пошли=видела=помню** (3 л. дв.ч. суб.спр.).’

Прямая засвидетельствованность ситуации и в ненецком, и в селькупском языках была типично сопряжена с ее зрительным восприятием, в

том числе с хранящимся в памяти зрительным образом прошлой ситуации. Последнее имеет в ненецком языке формальное выражение, представленное в (18). В словоформах обоих выделенных предикатов – именного и глагольного – по два эвиденциальных показателя: прямой зрительной засвидетельствованности -Ø- и личной памяти -сь. Поэтому мы выбрали приблизительный переводной эквивалент “видела помню”. Для данного контекста он представляется адекватным. Но гораздо вернее считать, что рассматриваемая ненецкая форма личной памяти имеет один сложный показатель. Его вариант -Ø-... -сь, представленный в (18), доминирует в тундровом диалекте, а генетически первичный и более наглядный вариант -ŋ(V)-... -сь доминирует в лесном диалекте. В генезисе этого сложного аффикса семантику прямой засвидетельствованности выражал показатель -ŋ(V)- > -Ø-. А показатель -сь, являясь клиткой, генетически восходящей к бытийному деепричастию “будучи” > “бывши”, лишь относил прямую зрительную засвидетельствованность в план прошлого. Так возникла в ненецком языке инновационная форма “личной памяти” и стала вытеснять традиционную форму личной памяти, генетически родственную селькупской.

Всего мы выделяем две глагольных формы прямой засвидетельствованности в селькупском языке и три – в ненецком. Но одна из ненецких форм с показателем -s(-с-), этимологически тождественным селькупскому показателю личной памяти -s-, даже на архаичных срезах редко употреблялась в повествовательных высказываниях. Она была уже в значительной мере вытеснена рассмотренной инновационной формой личной памяти с показателем -сь, точнее -ŋ(V)- / -Ø-...-сь, в сферу вопросительных предложений.

Наиболее коммуникативно нагруженными в обоих языках являются формы прямой засвидетельствованности с этимологически тождественными показателями, восходящими к прасамодийскому глагольному аффиксу *-ŋV-. Его рефлексы: в селькупском языке -ŋ- с вариантами -п-, -j-, -Ø-; в ненецком языке: -ŋ(V)- с вариантом -Ø-, доминирующим в тундровом диалекте.

Эти формы считались и считаются индикативными формами времени, но общепризнанного темпорального термина не имеют. Обе формы обозначаются существенно различными по понятийному содержанию темпоральными терминами: “аорист”, “настоящее время” и весьма странным традиционным термином “неопределенное время”. Наши наблюдения за архаичными срезами ненецкого и селькупского языков показывают, что если сам говорящий не был включенным участником ситуации или ее прямым непосредственным свидетелем, как правило – отчетливым наблюдателем, то в сообщениях о реальных ситуациях, даже в полностью адекватных и несомненных для говорящего, эти формы не использова-

лись. В таких вполне индикативных сообщениях и в тех же темпоральных планах употреблялись формы косвенной засвидетельствованности, например, аудитивные формы (1)-(4) и “заглазные” формы инференции-пересказа (7), (10)-(17). Поэтому граммему, выражаемую ненецкой формой -ŋ(V)- / -Ø- и селькупской формой -ŋ- (с вариантами) мы определяем как грамему прямой чувственной засвидетельствованности с базовым значением прямого (включенного) наблюдения-участия.

Такая базовая семантика обусловила возможность использования этих форм в любых темпоральных планах, не выходящих за пределы времени сознательной жизни говорящего. Они употреблялись, в том числе, в семантической сфере форм личной памяти, если требовалось особо подчеркнуть участие говорящего в прошлой ситуации или ее зрительную засвидетельствованность. В (19) и (20) один и тот же говорящий сообщает о двух прошлых ситуациях, которые сходны, засвидетельствованы в одинаковом абсолютном темпоральном плане прошлого, но на основании разных источников: прямого зрительного (19) и косвенного “заглазного” (20).

(19) нен.

Сэв’ни сыртакон’ Нюдя тэта Вайм’ тилипт’ хада=Ø=до’ [НЭ: 307].

‘На моих глазах Младшего богача Вая окончательно убили=видел=его они многие (3 л.мн.ч. об.спр.)’

(20) нен.

Сававна манзю ю” Тохоля Нарка тэта Вайм’ на’на хада=вэ=до’ [НЭ: 307].

‘Хорошо проверил (букв.: по-хорошему проверив): десять Тохоля Старшего богача Вая давно убили=убедился=его они многие (3 л.мн.ч. об.спр.)’

В (19) форма прямого наблюдения употреблена в семантической сфере обычной для формы личной памяти и особо подчеркнута зрительная засвидетельствованность говорящим сообщаемой информации. В абсолютном времени эта информация относится к прошлому, существенно отдаленному от момента ее передачи в сообщении. Но вместе с тем она одновременна с моментом зрительного восприятия говорящим реальной ситуации, о которой он сообщает. Показатель -Ø- в (19) выражает, что эта ситуация имела место в момент ее зрительного восприятия. Все формы чувственной засвидетельствованности темпорально совпадают с моментом восприятия реальной ситуации, который может значительно предшествовать моменту сообщения об этой ситуации, но может и совпадать с ним.

В (20) сообщается об аналогической реальной ситуации и информация о ней тоже адекватна, как и в (19). Но в (20) эта ситуация засвидетельствована не прямо, а косвенно, логически установлена по “хорошо проверенным” говорящим ее явным следствиям. Поэтому в адекватном сообщении о ней использована глагольная форма косвенной засвидетельствованности, выражающая в данном случае инференциальное значение. Следовательно, адекватные сообщения (19) и (20) различаются, как и все эвиденциальные сообщения, источниками сообщаемой информации, но не семантикой эпистемической модальности, указывающей на оценку говорящим степени достоверности сообщаемой информации. Поэтому некорректно отнесение граммем прямой засвидетельствованности к индикативу, а граммем косвенной засвидетельствованности – к косвенным наклонениям. Либо все они индикативны, либо нужна модернизированная терминосистема, снимающая метаязыковые противоречия.

Как и все формы чувственной засвидетельствованности, форма прямого наблюдения-участия употреблялась преимущественно в абсолютных темпоральных планах настоящего, предстоящего и недавнего прошлого. Но для нее план абсолютного настоящего, совпадающий с моментом речи, не был доминирующим. По нашим наблюдениям, она коммуникативно тяготела к планам недавнего прошлого и предстоящего, причем независимо от аспектуальной семантики глагольной основы – пунктивной или непунктивной.

Ниже приведены метаязыковые комментарии двуязычного северноселькупского (тазовский диалект) информанта И. А. Карсавина (1941 г. р.), документированные А. И. Кузьминой в начале 1970-х гг. В лингвистическом эксперименте информант разъяснял значение глагольной формы -*ŋ*- (в вариантах) с непрозрачной грамматической семантикой.

(21) сельк.

Иван nokkol=n=yt (noktol=n=yt) ka xulymta.

Информант: “Иван свою нарту толкнул, сейчас подтолкнул, мы видели” [МЭ].

(22) сельк.

Иван nyrk=Ø=a.

Информант: “Иван сейчас стоял, его видели” [МЭ].

Персональный код двуязычного информанта И. А. Карсавина инновационен в сравнении с северноселькупским языком архаичных документированных срезов. Тем не менее информант отчетливо отметил семантику зрительной засвидетельствованности у северноселькупской глагольной формы с показателем -*ŋ*- (варианты -*n*- и -*Ø*- в приведенных

примерах). Подчеркнем, что эту форму как пунктивного глагола *nokkol-* (*noktol-*) ‘толкнуть’, так и непунктивного глагола *nyrk-* ‘стоять’ он перевел русской формой прошедшего времени с темпоральным локализатором ‘сейчас’. Глагол ‘видеть’ тоже употреблен в форме прошедшего времени, что означает предшествование зрительного восприятия моменту речи и указывает на темпоральный план предстоящего (21) и, вероятно, недавнего прошлого (22). В обоих случаях ситуация, о которой сообщается, одновременна ее зрительному восприятию, но не моменту сообщения о ней.

На материале северноселькупского языка 1920-х и 1970-х гг. выработана модель категориальной парадигмы засвидетельствованности, которая описывает и объясняет ключевые грамматические оппозиции северноселькупского глагола не в терминах темпоральной и модальной семантики, а в терминах эвиденциальной семантики. Категориальная парадигма засвидетельствованности представлена как иерархическая система оппозиций эвиденциальных глагольных форм и граммем, взаимно противопоставленных по своим базовым значениям, указывающим различные источники информации. Эта иерархия оппозиций объединяет глагольную категорию засвидетельствованности в сложную многокомпонентную целостность. Она внутренне дифференцирована на две противопоставленные подсистемы (субкатегории): чувственной засвидетельствованности “А” и ментально-вербальной засвидетельствованности “Б”, которые, в свою очередь, внутренне дифференцированы, что обозначено квадратными и круглыми скобками. Морфологические показатели даны в основных вариантах. Знак [?] указывает на переносное значение формы косвенного наблюдения -*nt*-, транспозированной в сферу значений другой эвиденциальной формы и вытеснившей эту форму, обозначенную пустой клеткой [?].

А. Подсистема чувственной засвидетельствованности: прямое наблюдение-участие -*ŋ*- / [косвенное наблюдение -*nt*- / (слух -*kunä*- / обоняние-вкус -*ŋ*- / общие ощущения -*nt*-[?])].

Б. Подсистема ментально-вербальной засвидетельствованности: личная память -*s*- / [инференция-пересказ (авторитетный -*mp*- / обыденный -*mmynt*-) / инференция-предсказание (авторитетное -*ent*- / обыденное -*enpynt*-) / обыденный пересказ понаслышке -*nt*- [?]].

В “А” и “Б” перед квадратными скобками – формы прямой засвидетельствованности с показателями -*ŋ*- и -*s*-, а в квадратных скобках противопоставленные им формы и граммемы косвенной засвидетельствованности. Они тоже противопоставлены между собой. Круглыми скобками выделены: в “А” оппозиции внутри эквивалентной семантики “не зрительной чувственной засвидетельствованности”, противопоставленной семантике косвенного наблюдения (издалека, смутно, мельком и др.), в

“Б” – две семантически разнородные оппозиции авторитетных / обыденных источников информации. У обеих форм инференции-пересказа (совмещенная базовая семантика) логический вывод базируется на признаках, оставленных осуществившейся ситуацией. У обеих форм инференции-предсказания логический вывод базируется на признаках зарождающейся, но еще не осуществившейся ситуации. Типичная функция этих форм – предсказание еще не осуществившейся ситуации по приметам. Вероятна и функция предсказания по сакральным источникам, в том числе – “шаманское предсказание”.

Развитое состояние категории засвидетельствованности и эвиденциальных высказываний

Развитое состояние глагольной категории засвидетельствованности – это теоретический объект, построенный с опорой на существующие лингво-типологические концепции и эмпирически верифицируемый в процессе анализа данной категории на архаичных срезах ненецкого и селькупского языков и сопоставления с другими языками Северной Азии, в которых выделяются эвиденциальные глагольные граммемы. В наиболее обобщенной интегральной дефиниции развитое состояние глагольной категории засвидетельствованности означает ее статус главной детерминирующей категории, определяющей существенную типологическую специфику организации и эволюции всей системы глагольных категорий языка. В таком языке реальность отражается только вместе с источниками информации о ней и не может отражаться в абстракции от этих источников как чисто объективная констатация говорящим реальности ситуаций (действий, процессов, состояний, событий), о которых он сообщает. Но статус главной детерминирующей категории обусловлен наличием необходимых количественных, качественных признаков и их непосредственными типологическими следствиями. Количество эвиденциальных глагольных форм и граммем не так существенно, как наличие необходимых оппозиций, но должно быть достаточным для наполнения таких оппозиций, а это уже качественные признаки.

Необходимые качественные признаки: 1) наличие центральной эвиденциальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности, охватывающей базовые значения всех глагольных форм, использующихся в роли конечных предикатов сообщений о реальных ситуациях; 2) наличие развитой субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией зрительного / не зрительного (например, слух, обоняние) восприятия ситуации.

Непосредственные типологические следствия: 1) обязательность указания в сообщениях о реальных ситуациях источников сообщаемой ин-

формации, что обуславливает отсутствие эвиденциально нейтрального индикатива; 2) центральность точки отсчета “момент чувственного восприятия реальной ситуации”, следовательно, наличие в языке второго дейктического центра, на который непосредственно ориентированы все или большинство эвиденциальных глагольных граммем, что обуславливает отсутствие категории абсолютного грамматического времени, непосредственно ориентированной на дейктический центр “момент сообщения о ситуации”, то есть “момент речи”.

Подчеркнем, что важнейшей, наиболее типологически значимой реализацией в самодийских языках ментально-грамматической доминанты, ориентированной на приоритетное выражение и преимущественную грамматикализацию впечатлений говорящего о реальности, представляется как раз самостоятельная многокомпонентная детерминирующая глагольная категория засвидетельствованности. На наиболее архаичных из документированных срезов ненецкого и селькупского языков, отраженных, прежде всего, записанными в XIX – первой половине XX в. текстами традиционного фольклора, эта глагольная категория эмпирически наблюдается в своем развитом состоянии.

Ее развитость, в частности, проявляется в развитости компонентной и функциональной структур категориальной парадигмы, то есть в наборе глагольных форм, граммем, их базовых и вторичных эвиденциальных значений (компонентная структура) и в системе взаимных оппозиций граммем засвидетельствованности внутри категориальной парадигмы (функциональная структура). На архаичных срезах обоих языков глагольная категория засвидетельствованности представлена многокомпонентной системой взаимоотнопроставленных глагольных форм и граммем с базовыми и вторичными значениями, указывающими на различные и разнообразные источники и способы получения говорящим информации, сообщаемой адресату: чувственные (зрение прямого включенного наблюдателя или косвенного стороннего, слух, тактильные ощущения, обоняние и вкус); ментальные или когнитивные (память отчетливая или смутная, знания, давно приобретенные говорящим или, напротив, новые для него, логический вывод об осуществившейся ситуации или о ситуации зарождающейся); пересказывательные (пересказ известного понаслышке или из сообщения авторитетного источника) и, вероятно, сакральные (выводы и предсказания на основании сновидений, суеверий, сакральных действий, например, шаманских камланий). На этих срезах глагольная категория засвидетельствованности существенно детерминирует глагольные категории времени, наклонения и аспекта.

Поэтому на архаичных срезах ненецкого и селькупского языков эмпирически прослеживаются все вышеназванные теоретически выведенные признаки и типологические следствия развитого состояния глагольной

категории засвидетельствованности. В ненецком языке, в отличие от селькупского, они в существенной мере сохранились и на инновационных срезах, отражающих современное состояние ряда говоров ненецкого языка. Но ни в описательных грамматиках обоих языков, ни в большинстве специальных исследований их глагольных категорий эти признаки и следствия не выделены. Причины видятся и на теоретико-лингвистическом уровне, и на уровне эмпирических методик анализа языкового материала, чрезмерно сходных с методиками анализа материала языков, родных для лингвиста-исследователя. Главная причина – использование традиционных теоретико-лингвистических схем описания и объяснения, выработанных преимущественно на материале ведущих европейских языков, в которых семантика засвидетельствованности не грамматикализована. Эти схемы диктуют лингвисту метаязык описания глагольных систем самодийских языков в терминах темпоральности, модальности, аспектуальности, но не эвиденциальности. Тем самым нивелируется существенная типологическая специфика самодийских глагольных систем. Особенно неадекватно для них распространенное представление об универсальности индикатива, выражающего реальность как ее простую объективную констатацию, нейтрально к семантике ее засвидетельствованности говорящим. Типичное на сегодняшний день понимание самодийского индикатива как эвиденциально нейтрального мешает эксплицитному выделению центральной категориальной оппозиции граммем прямой / косвенной засвидетельствованности. В итоге лишь последние частично выделяются, но описываются изолированно, вне оппозиций. А при таком изолированном анализе и к тому же без учета метаязыковых сообщений информантов очень трудно выявить базовые значения эвиденциальных граммем. Нередко за базовые принимаются их ситуационные переносные значения гипотетичности и миративности, которые, в сущности, не эвиденциальные, а модальные.

Следует вместе с тем учесть, что проблематика засвидетельствованности приобрела повышенное внимание в мировой лингвистике с относительно недавнего времени. Ее специальные исследования на материале самодийских языков начались только в конце XX в. В прошлом она представлялась периферийной и исследовалась преимущественно в американистике и балканистике. Тем виднее сейчас заслуга классиков самодистики, которые выявили и описали существенную часть известных в настоящее время ненецких и селькупских глагольных форм, выражающих значения косвенной засвидетельствованности.

Так, выполняющая системообразующую роль в субкатегории чувственной засвидетельствованности самодийских языков глагольная форма с базовым значением слуховой засвидетельствованности реальной ситуации (“аудитивная форма”) была впервые выявлена в ненецком языке еще

М. А. Кастреном. Базовое значение этой формы отражено в переводах на немецкий язык текстов ненецкого традиционного фольклора, записанных М. А. Кастреном в 1840-е гг. и опубликованных Т. Лехтисало в 1940 г. [С. - L. 1940].

(23) нен.

puhusea hartta waesakōmda sideäda: “tjihē njuūnje hartje bōnganädie pis=mōnō=di’eh”.

Das Weib ihren eigenen Mann weckte sie: “Jene unsere Kinder untereinander hört man lachen” [С. - L. 1940: 81].

‘Жена своего мужа разбудила: “Эти дети наши между собой смеются=слышно=они двое”.’

(24) нен.

tjāuna tūri tjāna side atsek̄ selkkadar=manō=dih, harttie seärnjāndi’eh lūna=uan=di’eh.

Oben hinter den Wolken zwei Knaben hört man fröhlich plaudern, miteinander hört man sie sprechen [С. - L. 1940: 8].

‘Наверху за облаками два юноши веселятся=слышно=они двое, друг с другом разговаривают=слышно=они двое.’

В 1920-е гг. аудитивные формы ненецкого и селькупского языка исследовал выдающийся российский самодист Г. Н. Прокофьев. Семантику, выражаемую обеими формами, он определил совершенно одинаково как “выражение действия, устанавливаемого на основании его слышимости”, а при переводе данной семантики на русский язык пользовался в обоих случаях переводным лексическим эквивалентом “слышать” [Прокофьев 1937а: 44; Прокофьев 1937б: 117]. К этой дефиниции базового значения самодийской аудитивной граммемы важно добавить, что аудитивные формы использовались, если свидетель не видел реальной ситуации, отраженной в сообщении, а воспринимал ее только на слух. Так, в (23) “смеющиеся между собой” девушка и юноша находятся за пологом в чуме. Хозяйка чума – мать девушки их не видит и настораживается только на основании услышанного. В (24) два юноши оживленно беседуют “за облаками”, а свидетель находится под облаками и лишь отчетливо слышит их беседу. Вслед за (24) в тексте приведен их подслушанный диалог. Такая семантика зрительной незасвидетельствованности прослеживается во всех ненецких и селькупских эвиденциальных высказываниях с аудитивной формой в роли сказуемого. Поэтому настолько отчетлива на архаичных срезах обоих языков противопоставленность аудитивной граммемы всем граммемам зрительной засвидетельствованности. Она была строго противопоставлена как граммеме прямого наблюдения-

участия, традиционно считающейся основной формой времени индикатива, так и граммеме с базовым значением косвенного наблюдения (со стороны, издалека, смутно, мельком, впервые и др.), традиционно считающейся основной формой времени неочевидного наклонения с базовой семантикой вероятностного предположения (гипотетичности).

В диалектах и говорах ненецкого языка Н. М. Терещенко выделила следующие варианты показателя слуховой засвидетельствованности: -во'- (-мо'-); -вон'- (-мон'-); -вано'- (-мано'-); -ванон'- (-манон'-). В транскрипции М. А. Кастрена ненецкий согласный "w" (обозначаемый в современном алфавите буквой "в") в интервокальной позиции часто передавался гласным "и". Вариант показателя -иап-, представленный в (2), в современной транскрипции -wap- (-ван-) не отражен в списке Н. М. Терещенко. Обращает на себя внимание существенная формальная вариативность показателя ненецкой аудитивной формы. Причем существенно различные варианты наблюдаются в том числе в речи одного человека, например, употребляются одним и тем же сказителем в тексте одного и того же фольклорного произведения. Поэтому не исключено, что заметные формальные различия вариантов показателя ненецкой аудитивной формы объясняются не только закономерностями фонетической, морфологической и диалектной вариативности, но являются или являлись в диахронической ретроспективе семантически релевантными.

Глагольные формы, выражающие базовое значение слуховой засвидетельствованности, давно документированы и в других самодийских языках: энецком (основные варианты показателя -qno-, -mqno-); нганасанском (основные варианты показателя -mjnj-, -mupu-), северноселькупском (основные варианты показателя -kunä-, -kunj-, -kjinä-). Считается, что северносамодийские и селькупские показатели являются этимологически родственными [Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 247]. Это означает глубокую древность самодийской глагольной граммемы слуховой засвидетельствованности, наличие ее в прасамодийском языке, а следовательно, не менее глубокую древность самодийской субкатегории чувственной засвидетельствованности.

Возможно, что все самодийские глагольные формы слуховой засвидетельствованности имеют инфинитное происхождение и генетически восходят к отглагольным именам, выполнявшим синтаксическую роль компонента глагольной аналитической конструкции и / или сказуемого зависимой части полипредикативных эвиденциальных высказываний. Следы инфинитного происхождения не заметны у селькупской формы, но отчетливы у северносамодийских форм, личные показатели которых материально тождественны лично-притяжательным показателям номинатива и генитива. Г. Н. Прокофьев даже считал ненецкую аудитивную форму отглагольным именем, в отличие от селькупской формы, которая вклю-

чена в парадигму глагола [Прокофьев 1937а: 44]. Но даже на наиболее архаичных из документированных срезов эти формы во всех самодийских языках являются формами финитного глагола. Они выполняют синтаксическую роль конечного глагольного сказуемого эвиденциальных высказываний как в (1) и (2) и нижеследующих примерах из всех самодийских языков.

(25) нен.

Сармик "добр=мон=до" [НРС: 392].

'Волки завывают=слышно=3 л. мн. ч.'

(26) нен.

Нув 'пэвсомзэ тихи-тихиня сидя Хунгляр торха=ванон=ди' [НЭ: 273].

'Когда завечерело, снаружи двое Хунгляр приехали=слышно=3 л. дв. ч.'

(27) эн.

Пэхон бунэк ма зу=муно=за [ССЯ: 145].

'На улице собака лает=слышно=3 л. ед. ч.'

(28) эн.

Мезо "тахан тыа" дязо=ону=зу' [Там же].

'За чумом олени ходят=слышно=3 л. мн. ч.'

(29) нг.

Бэнтини бацлогя"=мыны=чи [Там же: 146].

'На улице собака лает=слышно=3 л. ед. ч.'

(30) нг.

Сылычек үө туй=муну=ч ү [Там же].

'Кто-то приехал=слышно=3 л. ед. ч.'

(31) сельк.

та́нь ылогы́т гажь кос карнимбь=kunə=∅ [Прокофьев, 1935: 30].

'Под домом (букв. дома снизу) что-то шелестит=слышно=3 л. ед. ч. суб.сп.'

(32) сельк.

котань жу́щоты́т гажь кос карнимпъ=kunə=∅ [Прокофьев 1937: 109].

'Мешка моего внутри (букв. по нутру) что-то ворошит=слышно=3 л. ед. ч. суб.сп.'

(33) сельк.

Матты тў=куны=Ø [ССЯ: 146].

‘К чуму приехал=слышно=3 л. ед.ч. суб.спр.’

Как показано в приведенных примерах, аффиксы слуховой засвидетельствованности во всех самодийских языках занимают позицию между основой глагола и лично-числовыми показателями, являясь словоизменительными аффиксами, использующимися в производстве именно глагольных словоформ, а не лексем. В этих словоформах нет специальных материально выраженных показателей времени и темпоральные определения к ним традиционно не прилагались. Но сами показатели слуховой засвидетельствованности обозначают, что реальная ситуация, о которой сообщается, имела место в момент ее слухового восприятия говорящим или другим свидетелем – перцептором слухового восприятия. Этот момент обычно предшествует моменту сообщения о данной ситуации, но нередко совпадает с моментом сообщения о ней. Термины абсолютного времени не адекватны для таких таксисно-темпоральных свойств.

Аналогичную побочную темпоральную семантику имели все самодийские глагольные граммемы чувственной засвидетельствованности, в том числе граммема с базовым значением прямой зрительной засвидетельствованности реальной ситуации. Последняя, в отличие от граммеы слуховой засвидетельствованности, традиционно, начиная с работ М. А. Кастрена, считалась в самодистике основной формой времени индикатива и обозначалась условными темпоральными терминами: “первое время”, “аорист”, “неопределенное время”. Условность терминов оговаривал первым употребивший их М. А. Кастрен и прекрасно осознавали пользовавшиеся ими ведущие российские самодисты Г. Н. Прокофьев и Н. М. Терещенко. “Аорист, – писал Г. Н. Прокофьев, – никакого определенного временного понятия не выражает; им может выражаться как настоящее время, так и прошедшее и будущее время” [Прокофьев 1937а: 40]. Н. М. Терещенко специально подчеркнула условность используемого ею термина “неопределенное время” (= “аорист” Г. Н. Прокофьева – Л. И.) и отметила, что вообще “применительно к ненецкому языку термин “время” принимается нами в значительной степени условно. Соотношение между моментом совершения действия и моментом речи выражается этой категорией весьма нечетко” [Терещенко 1947: 184].

Тождество особенностей побочной темпоральной семантики граммеы слуховой засвидетельствованности и граммеы, традиционно обозначаемых в самодистике условными темпоральными терминами “аорист” и “неопределенное время”, является одним из аргументов категориального единства последних с граммемой слуховой засвидетельствованности. Выше были приведены и другие аргументы, показывающие, что все эти

граммеы являлись компонентами глагольной субкатегории чувственной засвидетельствованности ненецкого и селькупского языков, которая была базовой и генетически первичной субкатегорией целостной многокомпонентной детерминирующей глагольной категории засвидетельствованности.

В современной самодистике глагольные формы слуховой засвидетельствованности реальной ситуации обозначаются терминами “аудитивная форма” или “аудитив” и обычно трактуются как формы косвенного наклонения. Последнее весьма спорно, поскольку они не выражают значений субъективной оценки и ирреальности, а используются в роли сказуемого адекватных сообщений о реальных ситуациях. Самодийские аудитивные высказывания отличаются от обычных индикативных высказываний русского языка и других ведущих европейских языков только тем, что в глагольной словоформе их сказуемого морфологически выражен слуховой источник сообщаемой адекватной информации о реальной ситуации совершающейся или совершившейся в момент ее слухового восприятия говорящим.

Но не только аудитивные, а вообще все самодийские адекватные сообщения о реальных ситуациях являются эвиденциальными высказываниями, то есть обязательно указывают в сообщении тот или иной источник сообщаемой адекватной информации, который всегда морфологически выражен формой конечного сказуемого. Сказанное относится в том числе к самодийским глагольным формам, которые считались и считаются индикативными формами времени, но имеют инвариантную семантику прямой засвидетельствованности говорящим реальной ситуации и выражают базовые значения “прямое наблюдение-участие” и “личная память”.

Выдающийся исследователь самодийских языков – Г. Н. Прокофьев – в малоизвестной сейчас работе, предназначавшейся русским специалистам, работавшим с ненецким населением, целенаправленно акцентировал внимание на особенностях ненецкого языка, наиболее существенно отличающих его от русского. Характеризуя в таком контексте особенности употребления и семантики выделяемых им в ненецком языке индикативных форм времени – аориста (= “неопределенное время”) с показателем -Ø- и прошедшего времени с показателем -š(-сь), Г. Н. Прокофьев писал: “Надо заметить, что формы изъявительного наклонения используются говорящим *только в тех случаях* (курсив наш – Л. И.), когда он сообщает о том или ином действии, в совершении которого он собственлично убедился” [Прокофьев 1936: 158]. В переводе на метаязык современной лингвистики это семантика прямой засвидетельствованности говорящим сообщаемой информации.

На архаичных срезах ненецкого и селькупского языков эвиденциальные высказывания, выражающие как прямую, так и косвенную засвидетельствованность говорящим реальных ситуаций, занимали в этих языках место, занимаемое в языках иного типа индикативными высказываниями.

Социально-коммуникативная детерминация эволюции категории засвидетельствованности и эвиденциальных высказываний

Развитое состояние глагольной категории засвидетельствованности на архаичных срезах ненецкого и селькупского языков поддерживалось традиционными, исторически сложившимися сферами социальной деятельности и языкового общения. В первую очередь это коммуникативные сферы традиционного фольклора с мифологическим ядром и традиционного культа с комплексом важных социально-коммуникативных функций, а также военная организация, особо развитая в прошлом у селькупов, охотничье хозяйство, оленеводство у ненцев и северных селькупов. Эти коммуникативные сферы обслуживались исторически выработанными социально-коммуникативными вариантами языка, являющимися наиболее стабильными и консервативными субкодами общего языкового кода. Именно в субкодах, обслуживающих традиционные сферы языкового общения, были высоко значимы эвиденциальные высказывания, а следовательно, были коммуникативно нагружены глагольные формы и граммы засвидетельствованности, особенно их базовые значения.

В последние четыре столетия традиционные сферы деятельности и языкового общения, за исключением оленеводства, постепенно редуцировались, вплоть до полной элиминации традиционной военной организации, традиционного культа и традиционного фольклора. Этот процесс в разное время охватывал различные субэтнические группы ненцев и селькупов и развивался неравномерно. Он раньше начался и наиболее интенсивно развивался у южных, среднеобских селькупов. Соответственно редуцировались и разрушались языковые субкоды, обслуживавшие традиционные коммуникативные сферы и поддерживавшие стабильность развитого состояния глагольной категории засвидетельствованности. Она дестабилизировалась и стала эволюционировать от развитого состояния к остаточному [Ильина 2005]. Катализатором ее дестабилизации и фактором, обусловившим направленность ее эволюции, послужило становление и развитие ненцеко-русского и селькупско-русского двуязычия, которое наиболее интенсивно развивалось у носителей западненецких и, особенно, южноселькупских говоров.

На инновационных срезах обоих языков, но особенно селькупского, прослеживается редуцирование компонентной и функциональной струк-

тур глагольной категории засвидетельствованности. В селькупском языке оно выразилось: 1) в элиминации ряда эвиденциальных глагольных граммем, например, граммы слуховой засвидетельствованности (аудитивной формы); 2) в утрате другими эвиденциальными граммами своих исходных базовых значений; 3) в нейтрализации ключевых внутрикатегориальных оппозиций, в том числе всех оппозиций внутри субкатегории чувственной засвидетельствованности, что означало элиминацию этой базисной и генетически первичной эвиденциальной субкатегории. Наконец, в южноселькупских диалектах второй половины XX в. нейтрализовалась центральная категориальная оппозиция глагольных граммем прямой / косвенной засвидетельствованности, что привело к практически полной элиминации засвидетельствованности как морфологической категории глагола и использованию иных, не морфологических средств выражения эвиденциальных значений.

Кратко представленный процесс эволюции глагольной категории засвидетельствованности может быть адекватно объяснен в контексте социальной детерминации языковых эволюционных процессов как адаптация языка к новым, существенно изменившимся социально-коммуникативным потребностям, обусловившим смену традиционной ментально-грамматической доминанты и традиционной детерминирующей глагольной категории. Эволюция глагольной категории засвидетельствованности в селькупском языке от ее развитого состояния до полной элиминации как грамматической категории глагола хорошо отражается эволюцией эвиденциальных высказываний.

Сопоставляя архаичные и инновационные срезы селькупского языка, проследим этот эволюционный процесс на примере эволюции аудитивных полипредикативных эвиденциальных высказываний, в которых роль сказуемого главной (?) модусной части выполняют глаголы слухового восприятия.

В течение XVII в. общеселькупский язык распался на два языка – северноселькупский (далее “Север”) и южноселькупский (далее “Юг”). Темпы и направленность грамматических изменений в XVII–XX вв. были в двух селькупских языках существенно различны. На Севере абсолютно преобладали стабилизирующие экстралингвистические факторы, замедляющие грамматические изменения и консервирующие архаичные типологические черты традиционной грамматической системы. Это длительное сохранение всех традиционных сфер общения, мифологии и обслуживающих эти сферы общения языковых субкодов с присущими им грамматическими формами и значениями; тесное взаимодействие диалектов, ставших еще более близкими говорами; контакты с близкородственными северносамодийскими языками – ненецким и энецким; исключительно медленное развитие селькупско-русского двуязычия – даже в

20-е годы XX в. преобладающее большинство северных селькупов, по свидетельству Г. Н. Прокофьева, совершенно не владело русским языком.

На Юге, напротив, абсолютно доминировали экстралингвистические факторы, обусловившие быстрые и существенные грамматические изменения. Это быстрая утрата или редуцирование ряда важных традиционных сфер общения – военной, культовой, а также мифологии и соответствующих субкодов, в которых были коммуникативно нагружены архаичные грамматические средства, в том числе базовые значения эвиденциальных граммем; усилившаяся коммуникативная изоляция двух основных диалектов – Тымско-Нарымско-Васюганского – чумылькуп и Кетского – сюссугум; контакты крайне южных говоров с дальнеродственными тюркскими языками; интенсивное развитие селькупско-русского двуязычия, которое уже в XVII в. распространилось в высокостатусных и престижных социальных группах. В дальнейшем двуязычие становилось массовым, параллельно с нарастающим процессом языковой смены, то есть превращением русского языка в родной, в первый и, наконец, в единственный.

Грамматическая система каждого из языков документирована в двух хронологических срезах. Последовательность этих срезов на шкале “архаичность – инновационность” такова: Север 1920-е гг. – Север 1970-е гг. – Юг XIX в. – Юг 1960-1970-е гг. Наиболее архаичная синхрония Север 1920-е гг. типологически отражает традиционную грамматическую систему с развитой многокомпонентной детерминирующей глагольной категорией засвидетельствованности. В сравнении с ней грамматическая система Юг 1960-1970-е гг. целостно перестроена типологически. Засвидетельствованность утрачена как грамматическая категория глагола. Грамматикализовалась и стала детерминирующей категория совершенного / несовершенного вида, что является индикатором смены языкового типа – «супертипа».

Север 1920-е гг. Аудитивная форма с показателем *-kunV-* была узальной и облигаторно употреблялась в соответствующих конситуационных условиях. Г. Н. Прокофьев в 1920-е гг. на месте исследовал несколько лет тазовский диалект северноселькупского языка. Аудитивную форму этого диалекта, включенную, в отличие от ненецкой аудитивной формы, в лично-числовую парадигму финитного глагола, он осмыслил как форму особого наклонения “аудитива” и дал ее дефиницию с развернутым пояснением. “Формами аудитивного наклонения, – писал Г. Н. Прокофьев, – выражаются действия, устанавливаемые на основании их слышимости; напр.: сидя в чуме, можно заключить о приходе кого-либо по шагам, по слышимому голосу и т.д. На русский язык формы аудитива могут быть переводимы с помощью “слышать”...: *ty-kunæ*, *ty-kunь* ‘он пришел (слы-

шать)’...; *mi-kunь* ‘он дает (слышать)’...; *tattь-kunætь* ‘они принесли (слышать)’...; *şer-kunæntь* ‘ты вошел (слышать)’... [Прокофьев 1935: 69-70].

Селькупская аудитивная форма, как и ненецкая, употреблялась, если говорящий или иной свидетель – перцептор слухового восприятия – не видел реальную ситуацию, отраженную в сообщении, а воспринимал ее только на слух и идентифицировал на основании услышанных звуков. Поэтому аудитивная форма была отчетливо противопоставлена обеим формам зрительного восприятия. Внутри субкатегории косвенной засвидетельствованности она была противопоставлена форме косвенного наблюдения с показателем *-(n)t(V)-* (далее *-nt-*). А в рамках центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности аудитивная форма была противопоставлена форме прямого наблюдения-участия с показателем *-ŋ-* (с вариантами).

Обе оппозиции наиболее наглядно проявлялись в полипредикативных эвиденциальных высказываниях, в которых источник информации указывался дважды: лексической семантикой сказуемого модусной части и грамматической семантикой сказуемого диктумной части. Если роль сказуемого модусной части выполнял глагол слухового восприятия, то в роли сказуемого диктумной части обязательно употреблялась аудитивная форма с показателем *-kunV-*. Если же роль сказуемого модусной части выполняли глаголы не слухового, а зрительного восприятия, то в роли сказуемого диктумной части обязательно употреблялись глагольные формы с базовой семантикой зрительной засвидетельствованности или логического вывода по наблюдаемым признакам ситуации.

(34) сельк.

(JomBa) ... ukkər çonDōqyt ni|çik unDьnni=ty: qur tap paçitь=kunæ=∅
[Прокофьев 1935: 104].

‘Йомпа ... в один момент (букв.: одного в промежутке) так слышит=это он: человек это (не видное) рубит=слышно=3 л. ед. ч. суб. спр.’

(35) сельк.

Iça ... ukkər çonDōqyt (mannьtra=ty): paçæt ännь=nD&=tyt ytoqyt [Прокофьев 1935: 101].

‘Ича ... в один момент (видит=это он) чирки сидят=видно=3 л. мн. ч. суб.спр. на воде.’

(36) сельк.

ньль innæ manDa Lozь-ira: innæn aj qai| nekьrь| wenDь| sūrь|a ämD=∅=a
[Прокофьев 1935: 106].

‘Отсюда вверх взглянул Черт-старик (увидел отчетливо):верху опять какой-то пестророжий зверек (=птичка) сидит=явно видно=3 л. ед. ч. суб. спр.’

Север 1970-е гг. (субкод старшего поколения). В субкоде старшего поколения сохранилось употребление аудитивной формы **-kunV-**, почти вытесненной из языковой нормы формой косвенного наблюдения **-nt-**.

(37) сельк.

(Iča) ponā pakta, kol'alymra. Ukkyr contōt ūjkylytymra=ty: lōs-ira tī=kynā sumpāptympylä [Кузнецова А. И. и др. 1993: 19].

‘(Ича) на улицу выскочил, вокруг обошел. В один момент слышит=это он: черт-старик пришел=слышно напевая.’

(38) сельк.

(Onty) ukkyr contōqyt pit contyl' kotāqyt aj nil'cyk ūntyñny=ty: aj kos qaj na tī=kunā [Кузнецова А. И. и др. 1993: 38].

‘(Он сам) в один момент в полночь опять так слышит=это он: опять кто-то вон пришел=слышно.’

(39) сельк.

katiĵa Š'ul'ša Paĵ'ša onđ ūjyl' dimpa=ty na tannyn ta konnā kuryl' l'e tap tū=kynā kuryl' l'e tap tū=kynā [МЭ].

‘Однако Сылча Пылча сам слышит=это он: вон тот вверх (на берег) шагая вон пришел=слышно, шагая вон пришел=слышно.’

(40) сельк.

нын ш'imtal na iĵa tūĵi=kunā, imatā ūjkylytymra=ty [МЭ].

‘Потом вторично этот парень подъехал=слышно – жена-его слышит=это она.’

Север 1970-е гг. (субкод среднего и молодого поколения). Узуально употреблялась форма косвенного наблюдения **-nt-** вместо аудитивной формы **-kunV-** в типичных аудитивных контекстах.

(41) сельк.

Mattypaty pōnty, ukkyr contōt ūjkylytymra=ty: ūjal'a ĵūry=nty (<=kunā=) [Кузнецова А. И. и др. 1993: 42]

‘Рубит дерево, вдруг слышит=это он: ребенок плачет=видать (<=слышно=)’.

(42) сельк.

Ukkyr contōqyt aj pit contyl' kotā na tūrynty-ty, aj tina tarā na ūntely=nty, aj kos qaj na tū=nty [Там же: 38].

‘В один момент опять полночь вот наступает-видать. Опять сейчас тому (прошлому) разу подобно вот слышалось=видать опять кто-то вон пришел=видать.’

В типичных аудитивных контекстах (41), (42) в сочинениях с глаголами слухового восприятия вместо аудитивной формы **-kunV-** употреблена форма косвенного наблюдения **-nt-**. Последняя базовое значение в данных контекстах полностью утратила, выражая инференциальное (логический вывод о факте) и, возможно, митаривное (неожиданности факта) значение. Ее перевод с помощью “видно”, “видать” уже не вполне адекватен. В большей степени подходят переводные эквиваленты “однако”, “будто”, “вроде”, “оказывается”.

Юг XIX в.

(43) сельк.

lingalĵek, sūrur ĵāĵa=nd=Ø, mannambad, mādur ĵāĵa=nd=Ø, keba kuenek ĵāĵa=nd=Ø [Castren 1940: 321].

Er hört, ein Vogel kommt, er sieht, der Held kommt, der kleine Schwager kommt. ‘Слушает он, птица летит=однако=она (приближаясь), смотрит он, мадур (богатырь) идет=однако=он (приближаясь), младший зять идет=однако=он (3 л. ед. ч. суб. спр.)’

Форма косвенной засвидетельствованности **-nd-** = **-nt-** универсального глагола движения *ĵāĵigi* ‘идти’ введена глаголами слухового и зрительного восприятия. В первом случае традиционно должна использоваться аудитивная форма **-kunV-**, которая, вероятно, к 40-м годам XIX в. уже утрачена на Юге, вытеснена формой **-nt-**.

(44) сельк.

Ĵwocичичонночъ митынъ, и маткынъ насанъ энгъ ай могоне насанъ энгъ, сальчонджитъ, табъ юнгольджанъ, комъ пачитынъ

‘Подходить на середину дороги и къ дому столько и назад столько, на самой середине, онъ слышитъ, человекъ рубить’ [Григоровский 1879: 38].

Показательно сравнение предложения из контекста (44): *табъ юнгольджа-нъ: комъ пачиты-нъ* ‘онъ слышит: человек рубит-явно’ с аналогичным предложением (34) синхронии Север 1920-е гг. с глаголами той же лексической семантики в роли сказуемых: *niĵcik ynDəññit̄: qur tap*

paçitë=kunæ 'так слышит=это он: человек это (не видимое) рубит=слышно'. В (44), в отличие от (34), вместо аудитивной употреблена утратившая базовое значение форма прямого наблюдения, т. е. не выражена даже косвенная засвидетельствованность.

В синхронии Юг XIX в. значения косвенной засвидетельствованности в ряде южноселькупских говоров уже типично выражались вводными эвиденциально-модальными словами, в большинстве своем заимствованными из русского языка.

(45) сельк.

тэйерба: кундокты тювангъ, видна, лозь ызымь тадырыить
'Думаеть: далеко пришел я, видно, леший ведет меня' [Григоровский 1879: 38].

(46) сельк.

нынто и тэйерба: ну, видна, лозь ызымь нёттельджинъ
'Тутъ и думаеть: ну, видно, лозь заманиваеть меня.' [Там же: 38].

(47) сельк.

манъ онень нусу, а тидамъ оқырь минуткамъ можеть титымджилебсь
'Я сам Богъ, а теперь въ одну минуту можеть сделаю пасмурно.' [Там же: 28].

Юг 1960-1970-е гг.

Грамматикализовалась оппозиция совершенного / несовершенного вида и сформировался индикатив европейского типа.

(48) сельк.

Печонж'от йнтелдж'иде куч'атта тук тук. ында тб: ипа
'В полночь слышит: где-то тук! тук! Слышит идет кто-то' [Дульзон 1966: 117; 147].

(49) сельк.

Варг н'ен'ат бндъд'ет пажага каипт авешпат. Варг н'ен'а тәрба : мананы н'ен'алап авешпат.
'Старшая сестра слышит: старуха что-то (кого-то) поедает. Старшая сестра думает: моих сестер поедает' [МЭ, Иванкино].

В глаголах *тбшпа* 'идет', 'приходит' и *авешпат* 'ест', 'поедает' употреблен наиболее типичный для среднеобских и тымских говоров показатель инновационного несовершенного вида *-шп(V)- = -šp(V)-*, с помощью которого осуществлялась имперфективация и создавались чистые

видовые пары. В северноселькупском языке не было подобных морфологических средств имперфективации и создания чистых видовых пар, а следовательно, не было грамматической категории совершенного / несовершенного вида [Ильина 2003].

В Синхронии Юг 1960-е – 1970-е гг. сфера значений косвенной засвидетельствованности практически полностью закрепилась за эвиденциально-модальными словами, являющимися имитациями, кальками, но главным образом, заимствованиями русских эвиденциально-модальных слов.

(50) сельк.

а ку: ч'ерол кунеија, пад'и пйбумдъ тбкпат, унджъдъ ку: мба
'А кучер твой где? Поди до смерти испугался и вши его умерли' [Дульзон 1966: 112; 142].

(51) сельк.

таб уж пади буйла (= огылымба) [МЭ, Иванкино].
'Он уж, пади, привык.'

(52) сельк.

разбойник кванн аул'екант и чёнча: врод'и нагуртыт йзадыт, а кайко та шедег ејагык [МЭ, Иванкино].
'Разбойник пошел в комнату и говорит: "Вроде трое было, а почему-то двое оказались".'

Грамматическая система селькупского языка, система его глагольных категорий, в том числе глагольная категория засвидетельствованности и, соответственно, эвиденциальные высказывания эволюционировали, адаптируясь к новым, существенно изменившимся экстралингвистическим условиям и социально-коммуникативным потребностям.

Выводы

Исследование на материале двух самодийских языков – ненецкого и селькупского – глагольной категории засвидетельствованности и эвиденциальных высказываний в их развитом состоянии и в процессе эволюции к остаточному состоянию, элиминации и трансформации дает основание для ряда выводов и гипотез, представляющихся теоретико-лингвистически значимыми.

1. Глагольная категория засвидетельствованности самодийских языков, в особенности система ключевых оппозиций базовых значений эвиденциальных граммем, является глубоко исконной и исключительно древней, уходящей за исторические пределы не только прасамодийской и

прауральской генетических языковых общностей, но вероятно, – урало-алтайской генетической языковой общности. Это аргументируется наличием во всех живых самодийских языках развитой субкатегории чувственной засвидетельствованности с оппозицией грамем, указывающих на зрительное / не зрительное (слух, обоняние и др.) чувственное восприятие говорящим реальной ситуации, отраженной в сообщении. Данная оппозиция суть не что иное, как сохранившийся в самодийских языках с глубокой древности генетически первичный вариант оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности. Ее генетически вторичный вариант есть не только во всех живых самодийских языках, но и в других уральских языках, в родственных им юкагирских языках, вероятно, – в тунгусо-маньчжурских языках, и несомненно, – в тюркских языках, в том числе – в древнетюркском. А в не входящем в эту древнюю урало-алтайскую генетическую языковую общность кетском языке такой оппозиции нет, несмотря на его длительные и интенсивные контакты с имеющими ее языками. То, что только в самодийских языках сохранилась генетически первичная эвиденциальная субкатегория чувственной засвидетельствованности требует объяснения. Ее сейчас нет в других языках Евразии. Но в ряде тибето-бирманских языков выделяется грамма «констатива», интегрально указывающая чувственный источник сведений говорящего, без противопоставления зрительного и не зрительного восприятия. Субкатегория чувственной засвидетельствованности, подобная самодийской, есть во многих языках индейцев Америки. Не исключено, что это индикатор отдаленного родства языков коренных этносов Азии и Америки. Представляется логичным устанавливать отдаленно родственные языковые общности и древнейшие ареально-контактные общности в первую очередь на основе сопоставления наиболее устойчивых языковых уровней – «системы» и «типа». Ключевые оппозиции базовых значений эвиденциальных грамем относятся именно к этим уровням.

2. Исключительно долговременная, в сравнении с другими языками Евразии, устойчивость «типа» и «системы» самодийских языков указывает на сохранявшуюся в течение многих тысячелетий относительную стабильность социально-культурной среды, формировавшей коммуникативное пространство реального функционирования генетических вариантов этих языков, социально-коммуникативные потребности и коммуникативно-ментальные установки сменяющихся поколений их носителей. Вместе с тем кардинальное изменение традиционной социально-культурной среды в последние столетия, редуцирование и утрата традиционных коммуникативных сфер и обслуживающих эти сферы общения языковых субкодов, в которых были коммуникативно нагружены традиционные грамматические средства, в том числе базовые значения эвиденциальных грамем, привели к дестабилизации наиболее устойчивых

языковых уровней и грамматическим изменениям не только на уровне «нормы», но и на уровнях «системы» и «типа». Катализатором этих изменений стало включение в коммуникативное пространство самодийских языков типологически контрастного русского языка, развитие селькупско-русского и ненецко-русского двуязычия. Наиболее кардинальные типологические сдвиги произошли в южноселькупском языке, в котором глагольная категория засвидетельствованности к середине XIX в. существенно редуцировалась, а к середине XX в. элиминировалась.

Основными экстралингвистическими факторами, обусловившими утрату южноселькупским языком глагольной категории засвидетельствованности и типологическую эволюцию эвиденциальных высказываний являются: 1) быстрое редуцирование и элиминация ряда традиционных коммуникативных сфер (военная организация, культ, мифология) и обслуживающих эти сферы общения языковых субкодов, в которых была функционально нагружена значительная часть эвиденциальных глагольных форм в базовых значениях; 2) высокие темпы развития селькупско-русского двуязычия, нарастание коммуникативного доминирования русского языка и роли межъязыковой аналогии в развитии южноселькупской грамматической системы. Это обусловило конвергентную перестройку грамматической системы южноселькупских диалектов по образцу грамматической системы русского языка в его устно-диалектном варианте. В том числе узуализировались и развились неморфологические способы выражения эвиденциальных значений, типологически аналогичные русским. Преимущественно это эвиденциально-модальные вводные слова и обороты, в большинстве своем заимствованные из русского языка. По нашему мнению, эта кардинальная трансформация не сводима к смене способа выражения категориального значения. Элиминировалась центральная системообразующая и типобразующая морфологическая категория финитного глагола и сформировалась инновационная периферийная лексико-синтаксическая категория.

Следовательно, при быстрых существенных социально-коммуникативных переменах и интерферирующем воздействии типологически контрастного языка возможна в течение относительно короткого исторического периода смена типобразующей глагольной категории и языкового типа.

Список использованной литературы

Григоровский Н. П. Азбука сюссогой гулани. Казань: Издание Православного Миссионерского Общества, 1879.

Дульзон А. П. Селькупские сказки // Языки и топонимы Сибири. Томск, 1966. Ч. 1. С. 96-158.

Дурст-Андерсен П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // ВЯ. 1995. № 6. С. 30-42.

Ильина Л. А. Грамматические изменения в динамике языкового контакта (на материале селькупского языка) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2000. № 4. С. 84-89.

Ильина Л. А. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка) Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.

Ильина Л. А. К проблеме традиционности-инновационности категории совершенного / несовершенного вида в селькупском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. Изд-во СО РАН. 2003 № 4. С. 56-61.

Ильина Л. А. О развитом и остаточном состоянии глагольной категории засвидетельствованности (на материале самодийских языков) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири (коллективная монография). Новосибирск: Ника, 2005. Р. Ш. Г. З. С. 158-169.

Козищева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3. – С. 92-104.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкова Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.

Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (Учебное пособие). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

Плунгян В. А. Категория времени в предложении: к ареальной типологии глагольных систем // Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Тез. докл. Междун. лингв. симп. 27-30 июня 2006. Томск, 2006. С. 9-10.

Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.

Прокофьев Г. Н. Самоучитель ненэцкого языка. Л.: Госучпедгиз, 1936.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М., Л., 1937а. С. 5-52.

Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М., Л., 1937б. С. 91-124.

Тереженко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1947.

Тереженко Н. М. О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 336-386.

Тереженко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965.

Тереженко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.

Тереженко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95-113.

Bhat, D. N. S. The prominence of tense, aspect and mood. Amsterdam: Lohb Benjamins, 1999.

Castren, M.A., Lehtisalo, T. Samojedische Volksdichtung. SUS. T. LXXXIII. Helsinki, 1940.

Castren, M.A., Lehtisalo, T. Samojedische Sprachmaterialien. SUS. MSFOu CXX // Helsinki, 1960.

Helimski, E. The Language of the First Selkup Books. Studia uralo-altaica. Helsinki, 1983.

Список сокращений

Языки:

нг. – нганасанский; нен. – ненецкий; сельк. – селькупский; эн. – энецкий.

Текстовые источники:

МЭ – Материалы экспедиций 1960-1970 гг. под руководством А.И. Кузьминой с участием автора; НЭ Тереженко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990; НРС Тереженко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965; ССЯ – Тереженко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973; С. – Л. 1940 – Castren M.A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung. SUS. T. LXXXIII. Helsinki, 1940; С. – Л. 1960 – Castren M. A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien // SuS. MSFOu CXX // Helsinki, 1960.